

С о времени появления «Эскадрона», «Морячки» и «Бродяги», которые распевала вся страна, прошло уже, наверное, лет десять. Трудно удержаться на вершине. Трудно прыгнуть выше головы. Но, похоже, Газманову это удастся. И неудивительно: ведь его песни по-прежнему полны энергии и искренности. Как и он сам. Газманов поет все: носиться с концертами по всей стране, не забывая и о заграничье, играть в футбол, сажать вместе с мэром деревья в московских парках и писать, писать, писать...

Новые песни, новые программы, новые диски... Вот и на следующей неделе Олег Газманов ждет всех своих поклонников в ГЦКЗ «Россия», где 20-23 февраля пройдут его сольные концерты «Господа офицеры-2000. Из века в век».

– Олег, как моряк и специалист по холодильным установкам стал музыкантом?

– Не вдруг. Я всегда любил музыку. Просто в музыкальной школе, куда меня отдали на скрипочку, не повезло с учителями. В итоге игра по нотам жутко надоела, и я это дело бросил. Но, видно, что-то внутри сидело и стало выплескиваться: я играл на школьных вечерах, на танцах, потом в группе «Атлантик». У меня даже поклонницы были. Но тем не менее пошел в инженерно-морское училище. Три года ходил в море. Потом преподавал, написал диссертацию. И все-таки музыка взяла свое. Я окончил музыкальное училище по классу гитары и приехал в Москву. Носился везде со своими песнями, предлагал их звездам. А когда появилась реальная возможность запеть самому, не смог из-за больших связей. Ну а дальше... Маленький Родька, сидя на горшке, напевал мои песни. Решил показать его Каляеву в студии, а тот говорит: «Олег, давай запишем. Должно классно получиться». Родьке нравилась песня о девушке Люси. Пришлось девушку переделать в собаку. Вот так все и началось.

– Кажется, от «Эскадрона» в свое время отказалась Пугачева?

– Пугачевой я принес много разных песен, и фактически ей все понравилось. Но она поет только те песни, которые соответствуют ее настроению. Видимо, она ждала «эскадронного» периода. Но он к тому моменту или еще не наступил, или уже прошел. Кстати, когда я записывал для французов «Есаула», Алла Борисовна очень помогла. Я собрал несколько музыкантов, в основном роковых, которые пели хор в «Есауле». Но мне не понравилось. Все это было на студии у Аллы Борисовны. В одно прекрасное утро она заходит, я сижу раздраженный. Она спросила: «Что ты такой мрачный?» Объясняю: мол, ничего не получается, никто не может нормально спеть «Есаула» в хоре, все лезут в солисты. Она предложила: «Давай я сделаю. У меня с утра голос мужской, хриплый. Давно хотела эту песню спеть». И Алла Борисовна в очередной раз блестяще показала, что такое профессиональный артист.

– Если бы появилась возможность прожить жизнь заново, пошел бы в мореходку?

– Но если бы не было этой учебы, трех лет походов в море, преподавательской работы, никогда бы не написал свои песни. Многие состоявшиеся музыканты, артисты, писатели не заканчивали профессиональных заведений. И если бы мне сказали: «Начни жизнь сначала с условием – закончить сразу консерваторию», я бы не согласился. А что бы тогда со мной было?

– Ты очень уверен в себе. Так всегда было?

– Знаешь, жизнь – это преодоление комплексов и достижение целей. У меня был комплекс из-за очень ярких и больших веснушек. В школе меня все дразнили. Я пару раз по физиономии двинул тем, кто говорил, что я рыжий, рыжий, конопатый, – все комплексы прошли сразу. Но позже научился по-другому преодолевать это. В мореходке мы жили все вместе – 22 человека. А коллектив – это сила. А сила есть, ума не надо. Коллективный разум жесткий, подчас жестокий. В коллективе есть что-то от стаи. Дедовщина имеет те же корни. В какой-то момент я понял, как всех обмануть. Стал смеяться вместе со всеми над собой. И действительно, как только засмеешься или ответишь шуткой: «Да, веснушки, да, действительно смешно» или «Да, рыжий, конечно, но рыжим жить легче или веселее», всем уже неинтересно над тобой издеваться. Покажешь, что обижаешься, точно добьют. Это была хорошая школа, которая в жизни очень помогла.

– Но доверчивость в тебе осталась...

– Конечно, можно замкнуться, быть недоверчивым, но тогда я потеряю очень многое в этой жизни. Поэтому пусть лучше жизнь бьет, но буду открытым человеком.

– У тебя и в жизни столько же энергии, сколько на сцене?

– Да ты что, я бы так долго не жил. А на сцене я самый настоящий псих. Легко возбуждаюсь и впадаю в состояние транса, точнее слова найти не могу и делаю те вещи, о которых в реальной жизни даже думать побоюсь: это и рискованные прыжки, культбиты, даже петь в жизни я так не стал бы, чтобы не порвать связки. Давно замечено, что во время стресса, в экстремальной ситуации человек может совершить такие поступки, на которые в спокойном состоянии у него сил не хватает. Так что в жизни я обыкновенный человек. Вот дети все время шумят, а взрослые их постоянно одергивают, что я считаю неправильным, пото-

му что у нас и у детей просто разная энергетика. Детям нужно орать, веселиться, крушить что-то. А взрослым после работы хочется покоя, и они все время дергают детей: нельзя, отойди, не трогай. Но некоторые не теряют чувства детскости и остаются такими же шумными и непосредственными. И это нормально. Наверное, на сцене я ближе к детям. Скучно замирать. Движение – это жизнь.

– Жизнь у тебя в общем нервная...

– Творческие люди вообще должны быть нервными. Иногда плохо сплю из-за того, что перевозбуждаюсь. Но не принимаю никаких транквилизаторов и снотворных. Организм должен сам справляться. Ну не поспал сутки – потом поспишь, ничего страшного.

– Как ты борешься со стрессами?

– Мне кажется, если почувствуешь страх или что-то такое, от чего адреналин так и выплескивается, нужно высоко подпрыгнуть и громко заорать. Это в порядке шутки, но в каждой шутке есть доля истины. В самом деле, если выделяется адреналин, нужно его куда-то деть. Например, отжаться от пола. Бывают такие моменты, когда внезапно испугаешься – ну потерял ключи или важные документы. Куда бежать, что делать? Десять приседаний. Заодно согреешься.

– А может, лучше фильмы ужасов? Испугался на другую тему – и порядок.

– Я думаю, люди, которые стресс снимают жутью, не совсем нормальные. Не хочу никого обижать, но расслабиться под какое-нибудь чудовище, которое душит девушку или разрывает ее когтями... Уж лучше хорошую комедию посмотреть, например Гайдаю.

– Многие артисты говорят, что ради искусства приходится жертвовать семьей, друзьями, отдыхом...

Олег ГАЗМАНОВ:

ТОЛЬКО ДУРАК

ВСЕ ВРЕМЯ СЧАСТЛИВ

– Это спорный вопрос. Что такое жертва вообще? Конечно, я недосыпаю и иногда не успеваю вовремя поесть. Это работа. Тяжелая работа. Но думаю, шахтерам работать не легче. Конечно, красиво: «Жертвую во имя искусства». Если сказать, что я столяр и жертвую собой ради табуретки... Ведь никто не поймет? Может быть, из-за работы я упускаю очень многое в жизни. Но это ерунда по сравнению с тем удовольствием, которое мне доставляет музыка.

– В тебе видят то зачинателя эскадронного движения, то сочинителя официальных гимнов. Как-то ты все очень вовремя пишешь. Скажи честно, на заказ работаешь?

– Меня тревожит, что стали такие вопросы задавать. Часто спрашивают о «Москве». И я уже устал повторять, что не писал ее по заказу. Я люблю писать песни, стихи, выступать на сцене. Если люблю, то зачем же буду вносить элемент неискренности в любимое дело? И я пишу те песни, которые из меня выходят. Удачные, неудачные – другой вопрос. Песни – как дети: вырастают, уходят от нас и живут сами по себе. Я могу открыто сказать, что песни «Москва» и «Офицеры» принесли мне больше головной боли, чем популярности. А вот за «Морячку», «А я девушек люблю», «Бродягу» я не «получаю», хотя эти песни более коммерческие.

– Но еще один гимн ты все-таки написал...

– Для «Спартака» и по велению сердца, как один из многочисленных спартаковских болельщиков. У всех западных команд есть свой гимн. По-моему, это такое произведение, которое объединяет. Мне хочется, чтобы и у нас так было. Кстати, уже в самом конце работы встречался и корректировал некоторые моменты и со спартаковцами, и с их фанатами. Было очень интересно.

– В тяжелые моменты Муза тебя посещает?

– А ей все равно, какое у тебя настроение. Она или посещает, или нет. Но что касается концертной работы, это не должно зависеть от настроения. Люди пришли, и ты должен отдать все, что можешь.

– Ты постоянно сидишь за компьютером. Просвети, зачем музыканту компьютер?

– Сейчас я сам продюсирую свою деятельность, так что нужно быть очень организованным. В компьютер заносится список дел. Без него просто не знаю, что будет завтра, послезавтра, через час. Компьютер постоянно напоминает, что делать. Опять же аранжировка музыки, редактирование стихов. Но пишу я от руки, потому что иначе не получается черновика. Когда от руки переписываешь и видишь заштрихованные слова, приходят свежие мысли. В компьютере же все сразу выглядит основательно и чисто. Нет никакой энергетика. Иногда играю в Интернете в нарды. Умная и азартная игра. Мои партнеры – игроки разных стран и континентов.

– А кроме Интернета чем балуешься?

– Когда к вечеру едет крыша, говорю по телефону и автоматически раскладываю пасьянс. При этом

Евгения МАРИНИНА

Фото Владимира МЫШКИНА

считаю это чистым убийством времени. Но так уж человек устроен. Он или выпивает, или курит, или еще что-то делает, или на худой конец в компьютер залезает. Видимо, дявол нас искушает (смеется), чтобы мы занимали свои мозги не делом, а чепухой какой-нибудь.

– У тебя любимая работа, любимая девушка, в общем, все в порядке. Ты счастлив?

– Бывают моменты. Например, когда сочиняю музыку, когда что-то получается. Только дурак или ненормальный может чувствовать себя все время счастливым. Но часто, когда счастлив, не понимаешь этого, к сожалению. Счастье – неуловимая субстанция.

9.2.2000